

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ «ГЕОРГИК» ВЕРГИЛИЯ

Г. ЗАБУЛИС

Споры о композиции «Георгики» Вергилия начались еще в начале XX в. В 1901 г. была опубликована небольшая статья итальянского ученого Саббадини¹. Приблизительно через 30 лет появилось сразу несколько крупных работ. Многие авторы разными методами пытались доказать существование в поэме продуманного композиционного плана и логической последовательности. Можно было бы в этой связи упомянуть книгу К. Витте², в которой разбираются вопросы композиции, специальную работу М. Шмидт³, а также статьи Э. Бурка⁴ и Д. Дру⁵. Однако, несмотря на тот большой интерес, который был проявлен к композиции этой поэмы, положительное решение не было достигнуто. Наоборот, определились совсем противоположные точки зрения. В противовес сторонникам композиционной стройности поэмы, Чех⁶, придерживаясь теории своего учителя Кроля⁷, доказывает, что Вергилий, избегая монотонности, сознательно нарушает последовательность мысли.

Нет единства и среди сторонников стройности композиции поэмы. Конкретно, в решении поставленной проблемы намечаются два основных направления. Немецкий ученый Витте в обстоятельной работе «Георгики Вергилия» идет по пути формального анализа текста. Применяя свой метод подсчета строчек и сопоставления отдельных частей произведения, которым он пользовался раньше в изучении буколического творчества Вергилия⁸, Витте разработал законченную, но очень своеобразную теорию. Следует отметить, что он довольно умело и убедительно выде-

¹ „Rivista di Filologia e d'Istruzione classica“, 1901, v. 29, p. 16—22. Теория Саббадини автору известна по ее изложению у Шанца (*M. Schanz. Geschichte der römischen Litteratur, T. 2., H. 1., München, 1911, S. 58*).

² *K. Witte. Vergils Georgica, Erlangen, 1927.*

³ *M. Schmidt. Die Komposition von Vergils Georgica, Paderborn, 1930.*

⁴ „Hermes“, 1929, B. 64, S. 279—321.

⁵ „American Journal of Philology“, 1929, v. 50, p. 242—254.

⁶ *G. Czech. Die Komposition der Georgica Vergils, Breslau, 1936.*

⁷ *W. Kroll. Studien zum Verständnis der römischen Litteratur, Stuttgart, 1924, S. 189—201.*

⁸ *K. Witte. Der bukoliker Vergil, Stuttgart, 1922.*

ляет в тексте отдельные перикопы, объединенные смысловыми и формальными признаками. Однако, как только на своих наблюдениях он пытается строить общую, всеобъемлющую систему, она сразу становится неубедительной, ибо ее основа держится на цифре. Витте в каждой книге «Георгик» старается найти две почти равные половины. В каждой такой половине он выделяет по три части, во многих случаях тоже почти равные. В результате, сопоставляя разобранные таким образом I и II книгу, затем III и IV и противопоставляя первые две двум остальным, он говорит об абсолютно непогрешимой стройности в построении поэмы. Он пишет: «В композиционном плане единство произведения выражается тем, что Вергилий создал восемь половин книг. Число строчек четырех первых половин есть 258, 256, 258, 284. Здесь обращает на себя внимание то, что четвертая половина на 26 (соотв. 28) строчек длинее нежели первые три. А это — хорошо продумано. Более высоким числом строчек четвертой половины показывается переход к остальным четырем половинам. Здесь числа строчек таковы: 283, 283, 280, 286»⁹. Из этого уже ясно видно, как Витте абсолютизирует подсчеты.

Тот самый метод применила и М. Шмидт. Хотя она заявляет о несогласии с подсчетами Витте, однако это делается с той целью, чтобы защитить метод Витте от него самого и подчеркнуть существование «цифровой мистики» в «Георгиках». «Следует очень пожалеть о том, — пишет Шмидт, — что К. Витте, который в своей работе «Буколический Вергилий» приводит много правильных подсчетов, так ошибочно обработал «Георгики», что недоверие к «цифровой мистике» тем более должно было усилиться»¹⁰. Такой путь чистых цифровых подсчетов нам представляется неприемлемым для анализа композиции «Георгик», а попытки найти в цифрах эстетическое значение бесплодными, так как эта поэма не является образцом эллинистического формализма, хотя связь ее с александрийской ученой поэзией несомненна. Тем не менее и в работе М. Шмидт есть ряд интересных наблюдений, особенно там, где она показывает связь «Георгик» с поэмой Лукреция «О природе вещей».

Другим путем пошел Э. Бурк, пытавшийся доказать единство поэмы на основе содержания каждой книги в отдельности и всей поэмы в целом. Понятно, что его исследование получилось значительно плодотворнее и убедительнее чем те, которые были построены на формалистическом анализе. Бурк был поддержан другими исследователями, касавшимися этого вопроса. Однако у Бурка есть одно очень легко уязвимое место. Он под явным влиянием широко известной работы французского ученого Беллессора «Вергилий, его творчество и время» слишком большое значение придает религиозности Вергилия и даже пытается найти в «Георгиках» объединяющую всю поэму религиозную идею¹¹. В свою очередь, Бурк в идейном смысле противопоставляет поэму Вергилия поэме

⁹ K. Witte. Vergils Georgika, S. 155.

¹⁰ M. Schmidt. Die Komposition von Vergils Georgika, S. 28.

¹¹ „Hermes“, B. 64, S. 286, 288, 292—93, 306, 316.

Лукреция¹², что требуется еще доказать, так как влияние Лукреция в «Георгиках» очень ясно чувствуется и даже текстуально неоднократно доказывалось такими комментаторами Вергилия, как Форбигер, Бенуа и, в особенности, Ян.

Многие авторы воспринимают «Георгики» как произведение, в котором все детали заранее в точности продуманы. При этом Витте и Шмидт¹³, используя мысль Доната, высказанную по поводу «Энеиды»¹⁴, предполагают, что Вергилий сначала изложил содержание своей поэмы в прозе, а потом переложил стихами. Бурк воздерживается от такого утверждения, но подчеркивает, что поэт «ясно представлял себе строение каждой книги, а также всего произведения»¹⁵. Мы не можем, конечно, отрицать того, что «Георгики» имеют продуманное построение, но из этого не следует, что поэму можно рассматривать как произведение, не претерпевшее более значительных изменений от первой до последней книги. А именно так получается у Витте, видящего в каждой книге почти такую же структуру.

Прежде всего, первые ее книги значительно отличаются от последних. Ведь Вергилий начинает произведение, как стихотворный учебник по агрономии, совсем в духе александрийской дидактической поэзии Арата, Никандра и др., излагавших стихами различные научные трактаты. О своем первоначальном замысле ясно сказал сам поэт, обращаясь к Октавиану:

*Da facilem cursum atque audacibus adnue coeptis
ignarosque viae mecum miseratus agrestis
ingredere et votis iam nunc adsuesce vocari.*

(I, 40—42)

И действительно, Вергилий тщательным образом собирает и изучает агрономическую литературу и подробно излагает различные, весьма практические¹⁶, советы по обработке почв, подготовке к севу, уходу за посевами и т. п. В то же время в дидактических целях он описывает сельскохозяйственные орудия, говорит о погоде и ее прогнозах. По сути дела вся первая книга «Георгики» за исключением вступления, нескольких дигрессий, очень ясно отличающихся от общего дидактического текста и заключения, непосредственно поучает «несведующего» крестьянина в разных областях его жизни. Основной материал второй книги тоже поучительного характера, хотя непосредственного поучения в ней меньше нежели в первой. Довольно много места здесь занимают общетеоретические рассуждения, а также большие дигрессии. В третьей книге

¹² „Hermes“, В. 64, S. 300—301, 318, 321.

¹³ K. Witte. Op. cit., S. 172 ff.; M. Schmidt. Op. cit., S. 13.

¹⁴ Vitae Vergilianae (ed. I. Brummer), Lipsiae, 1911, p. 6, 83—85; „Aeneida prosa prius oratione formatam digestamque in XII libros particulatim componere instituit, prout liberet quidque, et nihil in ordinem arripiens“.

¹⁵ „Hermes“, В. 64, S. 317.

¹⁶ Английский ученый Т. Гааргоф (T. J. Haarhoff. Vergil the Universal, Oxford, 1949, p. 16—18), приводя целый ряд высказываний различных лиц, утверждает, что агрономические поучения Вергилия имеют значение даже сегодня.

дидактический текст в настоящем смысле слова резко уменьшается, поучения тонут в эпических картинах. Еще заметнее это изменение выразилось в четвертой книге, что очень ясно показал тот же Бурк в III главе своей диссертации¹⁷. Он убедительно доказывает, что дидактический материал в каждой книге «Георгик» уменьшается, формы дидактических советов упрощаются, становятся однообразными. Одновременно он замечает, что с третьей книги описательная речь начинает вытеснять поучения¹⁸. Это Бурк объясняет изменением содержания последних двух книг поэмы¹⁹. В доказательство этого он ссылается на других писателей того же направления, которые также поступают, излагая материал о животноводстве и пчеловодстве. Можно согласиться с тем, что действительно труд полевода и садовода требовал больше дидактических поучений. Стадо же и пчелы давали более широкие возможности ввести описательные картины. Однако нельзя не отметить и то, что дигрессии в III и IV книге также изменились по сравнению с первыми двумя книгами. Если раньше они носили лирико-философский характер, то сейчас стали эпическими и даже строятся прямо на материале эпической поэзии. Напр., описание конных бегов в III книге «Георгик» непосредственно идет от Гомера²⁰, описание овода имеет связь с Гомером и Аполлонием Родосским²¹, борьба быков напоминает борьбу Полидевка с Амиком в начале II книги «Агронавтики»²², а эпизод об Аристее, занимающий половину IV книги, от начала до конца написан на материале Гомера. Таких явлений в первых двух книгах не было. Есть и другие более формальные признаки, показывающие возросший интерес Вергилия к эпическим средствам изображения. Напр., из 18 сравнений эпического характера, употребленных в «Георгиках», к первым двум книгам относятся 3 (I — 2 и II — 1), а к остальным — 15 (III — 5, IV — 10). Все это говорит об изменении характера поэмы вообще, в силу чего поэма распадается как бы на две половины.

Первая ее половина строится на дидактическом контакте автора с читателем. Через поучение вводятся даже некоторые элементы пейзажа. Такое активное участие автора в рассказе приводит к тому, что он в тех местах, где объясняемый вопрос его более всего волнует, уходит в настоящую лирику, что особенно сильно проявилось в замечательных дигрессиях II книги. Во второй половине поэмы автор заметно отходит назад, строит весь свой рассказ на описаниях, пейзажах, которые меняются один за другим. Только там, где он сам прерывает свое увлечение

¹⁷ E. Burck. De Vergilii Georgicon partibus iussivis, Leipzig, 1926, p. 58—78.

¹⁸ Там же, стр. 74 сл.

¹⁹ Там же, стр. 75, 77—78; «Hermes», В. 64, S. 306.

²⁰ Ср. Georg., III, 103—113 и Iliad., XXIII, 362 сл.; см. также замечание Форбигера к Георг., III, 102.

²¹ Ср. Georg., III, 146—51; Odyss., XXII, 299—301; Apollon., I, 1265—9; см. также замечание Форбигера к Георг., III, 151.

²² Мысль написать такой эпизод взята у Аполлония (см. зам. Форбигера к Георг., III, 218). Сравнение, заключающее этот эпизод, целиком заимствовано у Гомера (ср. Georg., III, 237—241 и Iliad., IV, 422—426).

живописностью природы, головокружительной романтикой ее необузданных сил, чтобы вернуться хотя бы на время к дидактике²³, мы опять чувствуем непосредственное присутствие автора.

Судя по столь заметному изменению общего характера поэмы, мы склонны предполагать, что между первой и второй ее половинами прошло какое то время накопления эпических приемов повествования. Это предположение, нам кажется, подтверждается и вступлением в III книгу, ибо главное внимание поэта в нем обращено на эпический материал. Говоря о выборе темы третьей книги, он жалуется, что все уже обработано, и перечисляет, что именно:

Quis aut Eurysthea durum,
aut inlaudati nescit Busiridis aras?
Cui non dictus Hylas puer? et Latonia Delos?
Hippodameque, humeroque Pelops insignis eburno,
acer equis? (III, 4—7)

Как видим, Вергилий относит тему III книги не к тематике дидактических произведений, а ставит ее в ряду сюжетов, которые обрабатывались в эпической поэзии. Дальше он рассказывает о своих планах на будущее, имея ввиду только эпику²⁴. Воздерживается от этой поэзии он только по настоянию Мецената:

Interea Dryadum silvas saltusque sequamur
intactos, tua, Maecenas, *haud mollia iussa*.
(III, 40—41)

И тему четвертой книги поэт представляет, как нечто от героического эпоса:

Admiranda tibi levium spectacula rerum,
magnanimosque duces, totiusque ordine gentis
mores, et studia, et populos, et proelia dicam.
(IV, 3—5)

С другой стороны, еще в древности было замечено, что конец II книги «Георгик» построен так, как будто здесь заканчивается вся поэма²⁵. Были мнения и в новое время, что Вергилий якобы сначала вообще задумал поэму только из двух книг. В частности так думал Саббадини. Конечно, трудно было бы поверить, что Вергилий намеревался описывать только полеводство и садоводство в своих «Георгиках». Его первоисточники, напр., Варрон, от которого наш поэт во многом зависит в смысле содержания, как правило, дают разделы и о животноводстве. Этому противоречит и заявление самого Вергилия в начале поэмы²⁶, где он перечисляет четыре отрасли сельского хозяйства: полеводство, вино-

²³ Georg., III, 284 сл.; IV, 116—148.

²⁴ III, 13—39; 46—48.

²⁵ Ср. зам. Сервия к Георг., II, 541: „Et plerumque volunt ideo eum dixisse hoc loco carmini Georgico finem se esse facturum, quod duo sequentes libri pastorales sunt, non georgici...“

²⁶ Georg., I, 1—5.

градарство (садоводство), животноводство и пчеловодство. Однако предположение, что между первой и второй половиной существует промежуток времени, в течение которого Вергилий был увлечен чем-то другим, в частности эпической поэзией, нам кажется вполне возможным. Это, во-первых, потому, что «Георгики» Вергилий писал довольно продолжительное время²⁷, а во-вторых, потому, что он сам в VI буколке сообщает о своем интересе к эпическому жанру²⁸. Следовательно, если он эпической поэзией интересовался еще до «Георгик», то это его увлечение совершенно естественно могло возобновиться и во время работы над «Георгиками».

Итак, мы считаем, что прежде, чем говорить о композиции «Георгик», необходимо их разделить на две половины. Так фактически получается и у Витте, который видит единство поэмы в том, что первая пара книг противопоставляется остальной²⁹. М. Шмидт даже считает, что Вергилий сам вполне сознательно разделил весь материал на две половины, рассматривая I и III книги, как заглавные, а II и IV, как побочные³⁰. Но они не учитывают качественного скачка, происшедшего во второй половине поэмы, и применяют одну мерку ко всей поэме. Особенно это свойственно К. Витте. Это приводит его к большому формализму.

Мы посмотрим на обе половины поэмы отдельно.

Все книги «Георгик» имеют свою самостоятельную тему: первая — полеводство, вторая — виноградарство (садоводство), третья — животноводство, четвертая — пчеловодство. Все книги имеют приблизительно одинаковое количество строчек: первая — 514, вторая — 542, третья — 566, четвертая — 566³¹. Все начинаются с вступления и кончаются какой-нибудь дигрессией. Во всех книгах дидактический материал чередуется с более или менее развернутыми отступлениями, посредством чего и достигается полнота поэтического освоения материала той или другой

²⁷ Античные биографы Вергилия Донат и Сервий указывают, что Вергилий работал над «Георгиками» 7 лет. Это число нельзя считать завышенным, так как сейчас установлено, что около сорокового года д. н. э. уже были написаны почти все эклоги. Последняя буколка, видимо, была десятой в сборнике. Ее написание ученые иногда относят к 38 г. С другой стороны, есть ученые, которые считают, что она была написана тогда, когда Вергилий уже работал над «Георгиками» (ср., напр., зам. Бенуа к Бук., X, 1). Таким образом, для написания «Георгик» Вергилий имел около десятилетия, если принять во внимание сообщение древних о том, что в 29 году они были прочитаны вернувшемуся с Востока Октавиану.

²⁸ Вис., VI, 3 сл.

²⁹ К. Witte. Op. cit., S. 154.

³⁰ М. Schmidt. Op. cit., S. 11—13.

³¹ 8 последних строчек IV книги, предназначенных для заключения всей поэмы, некоторыми критиками текста рассматриваются как подложные. Но такое мнение не обосновано.

книги. Это говорит о том, что Вергилий применил в общем единый принцип композиции, хотя он при чтении «Георгик» не сразу выясняется. Ясно продуманную стройность мы замечаем только во второй половине поэмы. Первая половина ее и особенно первая книга такой ясности лишена и поэтому является объектом споров и различных толкований.

Наиболее ясная картина видна в третьей книге, которую итальянский ученый Параторе рассматривает как кульминационный пункт поэмы³². Очень важно отметить, что влияние Лукреция в этой книге он считает подавляющим³³. О сильном влиянии Лукреция в этой части поэмы говорит и М. Шмидт³⁴. На самом деле Вергилий положил в основу плана этой книги две большие идеи, возникшие под влиянием двух, пожалуй наиболее ярких, эпизодов из поэмы «О природе вещей» (конец IV и конец VI книг). В первой части книги все изложение сосредотачивается вокруг силы Венеры, т. е. вокруг стремления живых существ природы сохранить свое потомство. Вергилий начинает свои поучения советами, относящимися к подбору стада крупных домашних животных — коров и лошадей. Основным критерием в этом должна быть их годность *in Venepet*³⁵. Потом идут советы по уходу за скотом в таком плане: до гимнеев рекомендуется все внимание сосредоточить на *maritus*³⁶, после — на *matres*³⁷, после рождения — на *vituli*³⁸. Наконец, вопрос опять возвращается к описанию силы Венеры³⁹. Заканчивается эта часть эпическим эпизодом о борьбе быков, переходящим в поэтически вдохновенное философское обобщение, суть которого можно видеть в следующих строках:

*Omne adeo genus in terris hominumque ferarumque
et genus aequoreum, pecudes pictaeque volucres,
in furias ignemque ruunt: amor omnibus idem.*

(III, 242—44)

Вторая часть III книги начинается напоминанием о возможных заболеваниях скота зимою. В связи с этим указываются некоторые средства предупреждения этих заболеваний, что и составляет общий смысл дидактических поучений относительно зимнего содержания овец и коз⁴⁰. Что именно эта мысль является здесь главной, показывает вторичное возвращение к ней немного ниже⁴¹.

Оттенок предосторожности имеется и в советах, связанных с описанием лета: если выше поэт советовал охранять стадо от холода, то

³² „Atene e Roma“, 1939, p. 179.

³³ Там же.

³⁴ М. Schmidt. Op. cit., S. 108—109.

³⁵ Georg., III, 97.

³⁶ III, 123—128.

³⁷ III, 138 сл.

³⁸ III, 157 сл.

³⁹ III, 209 сл.

⁴⁰ III, 295—303, особенно 298—99.

⁴¹ III, 318—321.

здесь рекомендуется защищать его от жары⁴². В эпизоде об Африке и Скифии⁴³ эта мысль уходит на второй план, становится незаметной, хотя общее, несколько мрачное, настроение здесь несколько не устраняется. В дальнейшем изложении все время выделяются различные вредители — вредные растения⁴⁴, воры и волки⁴⁵, змеи⁴⁶, пока все опять не возвращается к болезням, на сей раз уже обстоятельно⁴⁷. Мрачное настроение спускается и переходит в описание страшной чумы в Норике⁴⁸, которая, подобно любви в заключительной дигрессии первой части книги, охватывает не только описываемые стада, но и всю живую природу, в том числе человека. В результате мы видим, что во второй части книги в основу положена другая сила природы, сила разрушения — смерть.

Так сконцентрировав весь материал вокруг двух больших тем, Вергилий сумел не только достигнуть композиционного единства, но и подняться до какого-то теоретического обобщения. Дидактическая книга о животноводстве стала своеобразным философским трактатом о силе жизни и смерти в природе. Нам кажется, что основную философскую мысль книги в целом неплохо раскрывают следующие строки Вергилия, близко напоминающие горациево *capre diem*, выраженное неоднократно в его одах:

*Interea, superat gregibus dum laeta iuventas,
solve mares; mitte in Venerem pecuaria primus,
atque aliam ex alia generando suffice prolem.
Optima quaeque dies miseris mortalibus aevi
prima fugit: subeunt morbi tristisque senectus
et labor, et durae rapit inclementia mortis.*

(III, 63—68)

Из всего вышесказанного хочется сделать вывод, что идейная стройность III книги поэтом была хорошо обдумана.

К этому нас ведут и формальные признаки III книги, в которой ясно чувствуется продуманная симметрия двух ее частей. И первая, и вторая часть начинается с авторского вступления⁴⁹. В конце каждой части находится развернутый эпизод, выражающий основную идею этой части⁵⁰. В самом дидактическом тексте дидактика чередуется с более или менее развернутыми дигрессиями, которые между собой тоже симметричны: эпическое, несколько оторванное от общей идеи описание конных бегов с нижеследующим мифологическим отступлением в первой части⁵¹ отвечает описанию Африки и Скифии во второй⁵², описание овода в третьей

⁴² III, 331—334.

⁴³ III, 339—383.

⁴⁴ III, 385.

⁴⁵ III, 406—408.

⁴⁶ III, 414—439.

⁴⁷ III, 440—473.

⁴⁸ III, 474—566.

⁴⁹ III, 1—48 и 284—294.

⁵⁰ III, 219—283 и 478—566.

⁵¹ III, 103—117.

⁵² III, 339—383.

части⁵³ симметрично описанию змеи во второй⁵⁴. О симметричности этих дигрессий, нам кажется, говорят и способы их введения в текст. Начиная описание конных состязаний, поэт обращается к читателю: *poppe vides*. Описание Африки и Скифии начинается аналогичным обращением: *quid tibi pastores Libyae... prosequar*. Описание овода вводится как какой-то научный пример: *est lucos Silari circa... volutans*. Аналогично вводится и описание о калабрийской змее: *est etiam ille malus... anguis*.

Таким образом, если провести нумерацию строчек в каждой части отдельно, при сопоставлении их получилась бы такая картина:

I половина книги		II половина книги
1— 48	Вступление	1— 11
103—117 (122)	Самостоятельная дигрессия	56—100
146—156	Подчиненная дигрессия	142—156
219—283	Заключительная дигрессия	195—283

Кажется, вряд ли может возникнуть сомнение в том, что такое композиционное расположение материала не случайно. А если так, то можно считать, что Вергилий композицию «Георгик» строил по двум принципам: 1) искал идейно-тематической стройности и 2) добивался формальной стройности, что достигалось, прежде всего, продуманным расположением дидактического материала и дигрессий. При этом идейная стройность хорошо согласуется с формальным построением поэмы.

Такие композиционные принципы вполне понятны в бессюжетном дидактическом произведении, и надо было бы ожидать, что они будут главными в «Георгиках». Но применение их в других книгах имеет свои заметные особенности.

IV книга «Георгик», как было показано выше, по своему характеру объединяется с третьей. В ней, конечно, прежде всего следовало бы искать наиболее близкой композиции. Прочитав эту книгу, мы действительно замечаем, что она, подобно третьей, распадается на две части⁵⁵. В первой сосредоточен весь материал, посвященный жизни пчел и уходу за ними, а во второй — развернутый эпизод об Аристее. Основной идеей первой части можно было бы считать идею жизни. Здесь главное внимание обращено на исключительно разумное устройство государства пчел, в результате чего их род становится бессмертным, хотя сами пчелы живут лишь семь лет⁵⁶. О том, что именно эту мысль Вергилий хотел считать ведущей, видимо, можно судить по философскому обобщению, которое дано после описания способа жизни пчел⁵⁷. В центре этого отступления стоит идея: *pes morti est locus*. Хотя философские взгляды, из-

⁵³ III, 146—156.

⁵⁴ III, 425—439.

⁵⁵ IV, 1—280, 281—566.

⁵⁶ IV, 206—209.

⁵⁷ IV, 219—227.

ложенные здесь, не являются точкой зрения Вергилия и он их передает в косвенной речи, как цитату из мыслей каких то других философов, но композиционная роль самой идеи от этого еще более выделяется. Ведь если он, отмежевываясь от этой философии, все-таки находит необходимым ее использовать, стало быть он видит в этом определенный смысл. Нам кажется, что Вергилий, вводя эти рассуждения, в большой мере руководствовался чисто литературными соображениями⁵⁸. После того, как ему удалось удачно найти объединяющие философские идеи в третьей книге, он добивался того же и здесь. Не находя никаких подходящих примеров в более ему близкой философии Эпикура, он преподнес изложение пифагорейской философии. Это пример философского эклектизма, характерный для нашего поэта. Однако этот пример помог ему придать материалу IV книги философское звучание.

Вторая часть объединяется мыслью о смерти пчел, т. е. такой же идеей, как и конец третьей книги. Следовательно, мы имеем в IV книге почти ту же идейную основу, что и в третьей: жизнь противопоставляется смерти. Разница лишь в том, что жизненная сила природы там была представлена в виде любви, а здесь она возникает на основе отрицания обычной любви как чувства, стимулирующего сохранение потомства⁵⁹. Это говорит о большой идейной близости III и IV книг, хотя сами идеи в IV книге не так ярко выражены как в III.

В этой звязи нельзя не вспомнить общеизвестного указания Сервия о том, что конец поэмы был Вергилием переработан. Многие ученые считают, что оно имеет основание. По этой причине Бурк даже отказался разбирать эту часть IV книги⁶⁰. Но в последнее время появились и тенденции отрицать Сервия. Витте, который искал в «Георгиках» абсолютной композиционной безупречности, допускает только такую возможность, что эпизод о Протее был внесен позже⁶¹. К такому выводу приходит и М. Шмидт⁶². Э. Норден попытался опровергнуть сообщение Сервия в целом⁶³. Вопрос все-таки не достиг окончательной ясности и поэтому привлекает внимание многих исследователей.

Мы склонны считать, что особых изменений в этой части поэмы не произошло. Хотя здесь введенный эпиллий (маленький эпос) является единственным во всей поэме, но его введение имеет не только текстуальное оправдание, но и логическое. Дело в том, что работы пчеловода Вергилий изложил полностью, описал жизнь самих пчел тоже обстоятельно. Стало быть, вторая половина поэмы так или иначе должна была быть заполнена каким-то другим, более общим, материалом. Если он использовал в качестве такого материала эпиллий об Аристе, то это

⁵⁸ Своими доказательствами к этому выводу приходит и М. Шмидт: см. ук. соч., стр. 158.

⁵⁹ IV, 197—203.

⁶⁰ „Hermes“, В. 64, S. 312.

⁶¹ K. Witte. Op. cit., S. 166.

⁶² M. Schmidt. Op. cit., S. 162.

⁶³ E. Norden. Orpheus und Eurydice, Berlin, 1934, S. 5—6.

вполне соответствовало обмену его тяготению к эпике, к которой он шел, вероятно, через александрийские ее формы⁶⁴.

В дидактической поэме особенно уместно было воспользоваться формой александрийского эпиллия. В нем он применил рамочную композицию, которую мы находим у Катулла в «Свадьбе Пелея и Фетиды». Эпизод вводится описанием египетского способа возрождения пчел⁶⁵, дальше идет эпизод об Аристее в собственном смысле слова⁶⁶, который переходит в эпизод о Протее⁶⁷, а в уста последнего вложен еще третий эпизод об Орфее и Эвридике⁶⁸. В оставшихся строках заканчивается вкратце эпизод о Протее⁶⁹, затем эпизод об Аристее⁷⁰, а вместе с ним возвращается и исходная мысль о египетском возрождении пчел. Можно спорить о том, была или не была эта половина IV книги переработана, можно обсуждать отдельные ее части, но нельзя не признать, что принцип композиционного расположения заключительного эпиллия поэмы является общепринятым в таких жанрах и вполне понятным. В то же самое время мы должны не забывать, что в первой половине IV книги Вергилий также пользуется рамочной композицией⁷¹. Там говорится о работах пчеловода, жизни пчел, дается авторское отступление, но в определенном порядке: после вступления даются *советы пчеловоду* по устройству ульев и пасеки⁷²; затем на первый план выходит описание *жизни самих пчел*⁷³, прерывающееся только отдельными обращениями к пчеловоду; здесь появляется *дигрессия* о садовом⁷⁴, после окончания которой опять начинается описание *жизни пчел*, на сей раз уже как самоцель с претензией на философское обобщение⁷⁵; наконец, опять *советы пчеловоду*⁷⁶. Если учесть, что в начале книги и перед описанием египетского способа возрождения пчел, которое открывает эпизод об Аристее, имеется соответствующее вступление от автора⁷⁷, то получится, что мы в IV книге, как и в III, имеем две параллельные половины⁷⁸, за которыми следует заключение, относящееся ко всей поэме в целом⁷⁹. Правда, в этой кни-

⁶⁴ Судя по высказыванию самого Вергилия относительно эпической поэзии, которое мы находим в VI буколке (3—7 ст.), он сначала был очень далек от гомеровского эпоса. Примером ему была, видимо, такая эпика, какую представляет, напр., «Коса Береники» Каллимаха.

⁶⁵ IV, 281—294.

⁶⁶ IV, 315—386(418).

⁶⁷ IV, 386(418)—452.

⁶⁸ IV, 453—527.

⁶⁹ IV, 528—9.

⁷⁰ IV, 530—558.

⁷¹ M. Schmidt. Op. cit., S. 144—145.

⁷² IV, 8—50.

⁷³ IV, 51—115.

⁷⁴ IV, 116—148.

⁷⁵ IV, 149—227.

⁷⁶ IV, 228—280.

⁷⁷ IV, 1—7 и 281—294.

⁷⁸ 1—280 и 281—558.

⁷⁹ IV, 559—566. К. Витте неправильно его относит только к IV книге; см. ук. соч., стр. 135.

ге мы не наблюдаем такой симметрии между первой и второй половиной, как в предыдущей, но зато чувствуется своеобразное противопоставление отдельных частей первой и второй половины. Если использовать тот же метод самостоятельного подсчета строчек, то получили бы следующую картину:

I половина книги		II половина книги	
1— 7	Вступление	1— 14	Вступление
8— 50	Советы пчеловоду (место и устройство пасеки для разведе- ния пчел)	15— 34	Египетский способ возрождения пчел (место и метод воз- рождения пчел)
50—115	Жизнь пчел (влияние человека на жизнь пчел)	35—106(138)	Эпизод об Аристее (влияние смерти пчел на человека)
116—148	Дигрессия о Сицилий- ском огорождении	106(138)—172	Протей
149—228	Жизнь пчел (источник жизнеспособности пчел)	173—247	Рассказ Протея об Орфее (причина смерти пчел)
		248—249	Заключение описания Протея
229—280	Советы пчеловоду (трудности в жизни пчел и болезни)	250—278	Заключение эпизода об Аристее (воз- рождение пчел)

Как видим, между первой и второй половиной существует продуманная взаимосвязь, исходным пунктом которой является взаимозависимое противопоставление двух противоположных идей — жизни и смерти. Эта противоположность разрешается на материале двух различных жанров — дидактики и эпоса. При этом первая половина книги построена так, что мысль идет от жизни к смерти, а вторая половина, наоборот, ведет от смерти к жизни. В результате этого в середине получается последовательный переход от одной половины ко второй, а сама противоположность становится логически обоснованной и мало заметной. Развернутый заключительный эпиллий хорошо дополняет дидактическое изложение.

Таким образом, композиция IV книги не несет никаких следов переработки. Она построена по плану, довольно ясно ощутимому, которого поэт не нарушил при переработке, если даже таковая имела место. Иначе мы не могли бы провести такого сопоставления первой и второй половины. Поэтому, нам кажется, напрасно трудятся те исследователи, которые усиленно стараются восстановить якобы нарушенную при переработке логику изложения и различными способами переставляют конец эпиллия об Аристее⁸⁰. Этим они, наоборот, только разрушают логику

⁸⁰ *I. van Wageningen*. De Vergili Georgicis, Traiecti ad Rhenum, 1888, p. 103; см. также *Z. Abramowiczówna*. Dygresje w Georgikach Wergiljusza (Księga Wergiljuszowa. Wilno, 1930, str. 81).

композиции. В свою очередь хочется возразить М. Шмидт, которая в рассказе Протея об Орфее видит большую композиционную безвкусицу⁸¹. Можно, конечно, вместе с ней предполагать, что сама легенда об Орфее и Эвридике была Вергилием обработана самостоятельно и, может быть, значительно раньше, но ее введение в текст заключительного эпиല്ലия, по нашему мнению, является вполне обоснованным и уместным. Нам кажется, не имеет оснований предположение многих ученых, в том числе К. Витте и М. Шмидт, что рассказ Протея является именно тем местом текста, которое было подвергнуто переработке. На основе своих сопоставлений мы считаем наиболее возможным следующий ход переработки, если принимать во внимание указание Сервия: строки, посвящающие заключительный эпиллиий Галлу, могли быть помещены перед самым эпизодом, где заканчивается вступительная часть, преподнесенная от автора⁸². Здесь Вергилий как раз говорит о Египте, поэтому было уместно поговорить и о тогдашнем его наместнике Галле⁸³. Однако эти *laudes Galli* не должны были занимать много места, по крайней мере не больше заключительной дедикации Октавиану⁸⁴. Последней же могло в первом варианте совсем не быть. В таком случае поэма заканчивалась бы на эпизоде об Аристее, что очень напоминало бы окончание поэмы Лукреция «О природе вещей», обрывающейся на описании чумы в Афинах. В таком случае короткое обращение к Галлу текстуально не превышало бы дедикаций Октавиану и Меценату, но по существу дало бы возможность комментаторам делать вывод, что четвертая книга от середины до конца была посвящена Галлу, как утверждает Сервий. В свою очередь изменения в такой текст Вергилий мог внести, не нарушив общего композиционного плана, так как ему нужно было только вычеркнуть дедикацию Галлу и вместо нее дописать в конце книги дедикацию Октавиану.

Так или иначе, но общий план четвертой книги в дошедшем до нас виде является вполне продуманным. Что касается композиционных принципов, то мы видим их ясное отклонение от третьей книги. Это, конечно, случилось главным образом потому, что вся вторая половина представляет собой одно отступление, противопоставленное дидактической половине книги.

Когда мы переходим к первой половине «Георгик», перед нами сразу встают большие трудности. Прочитав, напр., первую книгу, мы не можем выделить в ней такие философские идеи, которые можно было бы считать композиционным стержнем книги или ее части, как это имело место в III и IV книгах. Правда, Э. Бурк, как уже указывалось выше, вслед за Беллессором, пытается доказать, что I книгу объединяет якобы присущая ей глубокая религиозность. В этих целях он все мифологические иллюстрации, встречающиеся в этой книге, а также все упоминания о богах рассматривает как проявление религиозности Вергилия и кладет

⁸¹ M. Schmidt. Op. cit., S. 177.

⁸² IV, 281—294.

⁸³ M. Schmidt. Op. cit., S. 163.

⁸⁴ IV, 559—566.

их тем самым в основу композиции. Мысль, аналогичную высказываниям Беллессора и Бурка, сформулировала и М. Шмидт. Просмотрев общее построение I книги, она заявляет: «Вергилий повел нас буквально от работ земледельца, связанных с почвой, к звездам. Основная мысль этого раздвоения и результат в конце концов как раз тот, что христианский мир обычно выражает в поговорке: «Работаем мы, удачу приносит бог»⁸⁵. Кажется, нет необходимости широко доказывать, что подобные идеи принадлежат комментаторам Вергилия, а не ему самому. Мы приведем здесь лишь один факт. Беллессор, охарактеризовав описание небесных зон⁸⁶, утверждает: «С этого момента до конца первой книги нас окружает религиозная атмосфера. Мы идем под светилами небесными, которые освещают путь крестьянина и которые интересуются его работами»⁸⁷. На самом деле небесные светила у Вергилия в жизнь человека не вмешиваются. Поэт излагает основы астрономической науки своего времени и учит крестьянина, как можно по тем или иным признакам предугадать погоду. Он показывает, что погода зависит не от каких либо произвольных сил, а связано с тем или иным временем, что определяется соответствующими сочетаниями в круговороте звезд. Желая сделать свои объяснения более научными, он даже описывает общее построение звездного неба. Во всем этом мы не чувствуем религиозной атмосферы. Правда, Вергилий говорит, что Юпитер сам указал знаки, по которым хлеборобы могут ориентироваться⁸⁸. Но эта мысль совсем не принадлежит нашему поэту. Он ее взял почти дословно у стоика Арата⁸⁹ вместе с астрономическим материалом, который в основном весь заимствован у этого автора. Зато, когда Вергилий говорит от себя лично, мы тут же читаем совсем противоположные вещи. Перечислив разные приметы из жизни животных и птиц, по которым можно судить о переменах погоды, Вергилий пишет:

Haud equidem credo, quia sit divinitus illis
ingenium, aut rerum fato prudentia maior:
verum, ubi tempestas et coeli mobilis humor
mutavere vias, et Iuppiter uvidus austris,
denset, erant quae rara modo, et, quae densa, relaxat;
vertuntur species animorum, et pectora motus
nunc alios, alios, dum nubila ventus agebat,
conciplunt: hinc ille avium concentus in agris,
et laetae pecudes, et ovantes gutture corvi.

(I, 415—23)

Как видим, он ищет научного объяснения непонятым явлениям природы и находит их в *материалистической* философии, а не в божествен-

⁸⁵ M. Schmidt. Op. cit., S. 32.

⁸⁶ Georg., I, 231—251.

⁸⁷ A. Bellessort. Virgile, son oeuvre et son temps, Paris, 1930, p. 97.

⁸⁸ Georg., I, 351 сл.; особенно 353.

⁸⁹ Aratus, Phaen., 10—13; см. зам. Форбигера к Георг., I, 353.

ной силе. Следовательно, Вергилий сам отрицает то, что утверждает Беллессор и в чем его усердно поддерживает Э. Бурк⁹⁰.

На много более значительной нам кажется в этой книге мысль о труде. Вергилий, следуя примеру своего предшественника Гесиода, с самого начала дидактических поучений и дальше настойчиво подчеркивает необходимость много трудиться⁹¹. Труд он ставит выше любой религии:

Quippe etiam festis quaedam exercere diebus
fas et iura sinunt: rivos deducere nulla
religio vetuit...

(I, 268—70)

Вопросу о роли труда посвящена и одна большая дигрессия, причем единственная дигрессия философского характера в этой книге⁹². Начинается она с упоминания о Юпитере⁹³. Но главное в ней не это. Правда, Беллессор⁹⁴ и поддерживающий его Бурк⁹⁵ пытаются использовать этот момент для мистификации Вергилия. Мифологическое оформление дигрессии («Сам Юпитер не желал легкого пути земледельцу») Вергилий взял у Гесиода, который первый изобразил Зевса в аналогичной роли⁹⁶. Однако он переделал миф в духе рационалистических толкований Лукреция. Роль Прометея, который у Гесиода помогает людям, защищая их от Зевса⁹⁷, у Вергилия играет труд, с помощью которого человек спасается от нищеты и невежества. Именно в этом проявляется оригинальность Вергилия, стало быть, здесь надо искать суть дигрессии. На самом деле, главное в этом отступлении — материалистическая идея о великой созидательной силе труда, тесно связанная с учением Лукреция:

Tum variae venere artes: labor omnia vicit
improbus et duris urgens in rebus egestas

(I. 145—46)

Однако, хотя философская мысль о труде в I книге играет очень большую роль, она тем не менее охватывает только часть книги. Там, где кончается описание работ, она теряет силу и не может выполнить функцию композиционного стержня. Следовательно, мы вынуждены признать, что философские идеи полной композиционной роли здесь не имеют.

Еще со времен Сервия⁹⁸ сложилась традиция сравнивать первую книгу «Георгик» с поэмой Гесиода в отношении тематики. Считается,

⁹⁰ „Hermes“, В. 64, S. 288.

⁹¹ Georg., I, 47—48; 79—81; 94—99; 104—118; 197—199; 259—275; 299; 305 сл.

⁹² I, 121—159.

⁹³ I, 121—122.

⁹⁴ A. Bellessort. Op. cit., p. 93—94.

⁹⁵ „Hermes“, В. 64, S. 283.

⁹⁶ Erga, 42 сл., особенно 47; Theog., 561 сл.; ср. зам. Бенуа к Георг., I, 121.

⁹⁷ Erga, 50—52; 85.

⁹⁸ Замечание Сервия к Георг., I, 1.

что Вергилий в первой ее строке имел ввиду название поэмы Гесиода «Труды и дни». Многие ученые думают, что эта строка показывает и план книги⁹⁹. Нужно согласиться, что такие утверждения имеют некоторое основание, так как действительно I книга «Георгик» наиболее близка к Гесиоду по своему характеру, а по объему материала в основном соответствует тому, что сказано в заглавной строке. Но такое тематическое содержание I книги, как видим, является чисто дидактическим и не связано с философскими обобщениями.

С другой стороны, нет возможности точно определить, в каком разделе решается та или иная тема, как это мы наблюдали в книгах второй половины поэмы. М. Шмидт и К. Витте пытались на основе традиции, идущей от Сервия, разделить I книгу на две половины (1—258 и 259—514), но, несмотря на все их старания, убедительный результат не получился, ибо они это сделали в совершенно случайном месте. Правда, если смотреть по Гесиоду, то «труды» действительно остаются в первой половине книги¹⁰⁰, а «дни» — во второй¹⁰¹. Однако, если посмотрим по Вергилию, то так делить будет невозможно, ибо описание звезд начинается значительно раньше¹⁰², а описание разных работ кончается через пятьдесят строчек¹⁰³. Создающуюся в таком случае неразбериху К. Витте объясняет так, что здесь якобы имеется переплетение тем, которое он называет музыкальным термином — fuga. Но эта fuga не убедила даже следовавшую за ним М. Шмидт. И вообще, если идет речь о переплетении тем, то как можно в середине его допускать деление. Если же отказаться от деления Витте—Шмидт и перенести его туда, где начинается описание звезд или где кончается речь о работах, то в книге не останется никакой стройности. Мы будем иметь две неровные части книги: 1—203 и 204—514 или 1—310 и 311—514. Поэтому неудивительно, что Бурк отказался от утвердившейся традиции делить книгу пополам и выделил в ней три части: 1—203, 204—350 и 351—514.

Вторая книга в отношении композиции больше напоминает первую, чем третью или тем более четвертую. Прочитав ее мы убедимся, что она, также как и первая, не распадается на какие либо легко отделяемые части. Если I книга в какой то мере поддавалась делению по принципу — труды и дни, то здесь найти чтонибудь подобное еще труднее. Искать объединяющего религиозного настроения здесь нет смысла, ибо этого не делают даже Беллессор и Бурк. Правда, Бурк воспользовался несколькими мифологическими иллюстрациями¹⁰⁴, чтобы подчеркнуть и здесь религиозный мистицизм Вергилия. Однако таких примеров в этой книге оказалось так мало, что обобщающих выводов в этом

⁹⁹ K. Witte. Op. cit., S. 39; M. Schmidt. Op. cit., S. 29; C. Lamarre. Histoire de la littérature latine, t. 1, Paris, 1907, p. 144.

¹⁰⁰ В основном I, 43—117.

¹⁰¹ В основном I, 276—286.

¹⁰² I, 204.

¹⁰³ I, 310.

¹⁰⁴ „Hermes“, В. 64, S. 300—301; 306.

духе Бурк не смог сделать. Вместо этого он, видимо под некоторым влиянием Беллессора, выдвинул новую идею, надо сказать, неплохую. Он утверждает, что большая часть книги объединяется мыслью о разнообразии, существующем в природе¹⁰⁵.

На самом деле Вергилий говорит о разных способах выращивания деревьев¹⁰⁶, выведения новых сортов¹⁰⁷ и разных сортах вообще¹⁰⁸. В дальнейшем он переходит к разным качествам почвы¹⁰⁹, что приводит его к характеристике различных стран¹¹⁰ и дает возможность ввести эпизод *laudes Italiae*¹¹¹. Идею о *varietas* Бурк проводит еще дальше, но она оказывается применима только до 259 строки, откуда начинается разговор другого характера. Поэтому Бурк считает, что в этом месте кончается первый большой раздел книги. В остальной ее части он никакой ведущей мысли не указывает и только пытается доказать наличие логической последовательности в самом изложении, что нередко отрицается исследователями Вергилия. Таким образом, вторая половина книги остается без обобщающей теоретической идеи, подобно тому, как это имело место в I книге.

Других попыток найти обобщающие моменты в идейно-тематическом построении II книги мы не находим. Со своей стороны можем отметить, что идея о труде, его созидательной силе, которая ярко выразилась в начале I книги, здесь тоже находит свое отражение. Еще в начале дидактического изложения Вергилий подчеркнул необходимость трудиться¹¹². Дальше он еще раз возвращается к этой мысли, когда начинает перечислять работы в винограднике¹¹³. Особенно усиливается идея о труде под конец этого перечисления:

*Primus humum fodito, primus devecta cremato
sarmenta, et vallos primus sub tecta referto,
postremus metito...*

(II, 408—10)

Можно сказать, что именно эта мысль в конце книги играет роль объединяющего начала. На ней построен и переход от винограда к оливковому дереву¹¹⁴, дающий возможность дальше идти к садам, лесам и т. д. В таком случае можно сказать что начало книги является более теоретическим, а конец более дидактическим, в то время как в I книге мы имели обратное положение: начало там более дидактическое, а конец — теоретический. Однако и здесь нельзя провести резкого разграниче-

¹⁰⁵ Там же, стр. 293 сл.

¹⁰⁶ II, 9 сл.; 64 сл.

¹⁰⁷ II, 73 сл.

¹⁰⁸ II, 83 сл.

¹⁰⁹ II, 109 сл.

¹¹⁰ II, 114 сл.

¹¹¹ II, 136—176.

¹¹² II, 61.

¹¹³ II, 258 сл.; II, 346 сл.

¹¹⁴ II, 420.

ния между этими частями. Если там К. Витте и М. Шмидт пытались делить книгу на две половины, а Э. Бурк предлагал деление на три части, то здесь, напротив, Витте и Бурк¹¹⁵ ратуют за деление пополам, т. е. 1—258 и 259—542, а Шмидт находит три раздела: 1—176, 177—345 и 346—542. Если к тому прибавим, что Кроль в середине II книги видит «рагу различных правил»¹¹⁶, что не может не напомнить «фугу», о которой говорил Витте, то нам станет ясно, что II книга также не вмещается в шаблонные мерки, как и первая.

Несмотря на такое положение, мы при чтении не воспринимаем ни первую, ни вторую книгу как нечто хаотическое. Напротив, мы в повествовании чувствуем логические связи одной части с другой, а в чередовании дидактического материала и отступлений — продуманный композиционный ритм. Значит, какие то закономерности в построении все-таки существуют. Нам кажется, что они могут легче проясниться при сопоставлении обеих книг — первой и второй, во многих отношениях близких. При этом есть смысл начать сопоставление сходных формальных признаков, ибо они безусловно всегда заметнее. Мы уже видели, что в «Георгиках» значительную роль играют так называемые дигрессии. Это нам показал разбор III книги.

Первая книга начинается с большого вступления¹¹⁷, обращенного к богам и Октавиану, где имеется изложение общего построения всей поэмы. Затем он переходит к предмету I книги и преподносит агрономические сведения, необходимые для обеспечения высокого урожая. Эта агрономия логическими переходами завершается *дигрессией о роли труда в жизни человека*¹¹⁸. Отсюда начинается довольно заметный поворот к более общим советам, которые Вергилий представляет как поучения древних¹¹⁹. Следует сказать, что этими поучениями охвачены различные хозяйственные вопросы, в основном не имеющие непосредственного отношения к агрономии. Здесь он говорит о сельскохозяйственных орудиях и, в частности, об изготовлении сохи¹²⁰, оборудовании тока для молотбы¹²¹,

¹¹⁵ Бурк считает возможным деление и на три части. В таком случае он выделяет заключительную дигрессию в самостоятельную часть; см. «Hermes», В. 64, S. 304.

¹¹⁶ W. Kroll. Studien zum Verständnis der römischen Litteratur, S. 193.

¹¹⁷ I, 1—42.

¹¹⁸ I, 121—159.

¹¹⁹ I, 176. Упоминание о *veterum praecepta* стоит не сразу после дигрессии, а после описания сохи, но, как правильно указывает Э. Бурк («Hermes», В. 64, S. 285), оно логически связано с предыдущим, поскольку каждому образованному современнику Вергилия было известно, что описание сохи исходит из древнего писателя Гесиода (Erga, 427 сл.). М. Шмидт даже объединяет это указание с описанием сохи в один подраздел (см. ук. соч., стр. 39 сл.). В свою очередь, она совсем не права, когда вместе с К. Витте советы по оборудованию тока отделяет от указаний относительно сохи и включает советы по оборудованию тока в другой подраздел: 178—192 (Витте объединяет 176—203; см. ук. соч., стр. 16—17). Этим явно пренебрегается предметная связь. Ведь в конце концов и здесь, и там идет речь об орудиях производства. За это правильно ее критикует Чех (см. ук. соч., стр. 7).

¹²⁰ I, 160—175.

¹²¹ I, 176—186.

указывает некоторые общие, несвязанные с обработкой земли, предпосылки высокого урожая, в том числе народные приметы¹²² и практические наблюдения¹²³. Путем простого присоединения (*praeterea*) в ряд этих «советов древних» включены указания по наблюдению за вращением звезд¹²⁴. Сначала они тесно связаны с предыдущим материалом, поскольку этим обозначается время сева, но вскоре мысль резко поворачивает в чистую астрономию, в результате чего *описание небесных зон* выделяется в тексте как *дигрессия*¹²⁵. После этого мысль опять возвращается к тому, что говорилось до дигрессии, но уже несколько с другой целью. Если раньше на этой основе указывалось время сева различных культур, то сейчас наблюдения за звездами, определяющими время года, связываются с распределением времени и сельскохозяйственных работ вообще. Вергилий, приведя несколько *образных иллюстраций и сравнений*, подсказывает хлеборобу, что нужно делать в холодную дождливую погоду¹²⁶ или в праздничные дни¹²⁷, что — ночью¹²⁸, что — в летнюю жару¹²⁹, а что — зимою¹³⁰. В центре этого деревенского календаря стоит гесиодовское перечисление счастливых и несчастливых дней¹³¹, а завершается он широкой *картиной бури*¹³², которую исследователи «Георгик» правильно считают *дигрессией*¹³³. Через несколько строчек после бури в причинной связи с ней стоит небольшое описание *культы Цереры*¹³⁴, которое также напоминает дигрессию. Отсюда начинается заключительная часть — прогноз погоды¹³⁵, обработанный в близкой зависимости от Арата. Он незаметно переходит в дигрессию¹³⁶, посвященную характеристике политической ситуации в Риме, на чем и заканчивается первая книга.

Вторая книга начинается вступлением, которое разделяется на две части: краткое обращение к Вакху¹³⁷, а через несколько десятков строчек — обращение к читателям и Мecenату¹³⁸. Нам кажется, ценную мысль высказал Г. Чех¹³⁹, полагая, что Вергилий обе эти части вместе с

¹²² I, 187—192.

¹²³ I, 193—203.

¹²⁴ I, 204.

¹²⁵ I, 231—251 (256).

¹²⁶ I, 259—267.

¹²⁷ I, 268—275.

¹²⁸ I, 286—296.

¹²⁹ I, 297—99.

¹³⁰ I, 300—310.

¹³¹ I, 276—286.

¹³² I, 311—334.

¹³³ G. Härke. Studien zur Exkurstechnik im römischen Lehrgedicht (Lukrez und Vergil), Würzburg, 1936, S. 35—36; „Hermes“, B. 64, S. 290; G. Czech. Op. cit., S. 21.

¹³⁴ I, 338—350.

¹³⁵ I, 351—463.

¹³⁶ I, 463—514.

¹³⁷ II, 1—8.

¹³⁸ II, 35—46.

¹³⁹ G. Czech. Op. cit., S. 26—28.

мыслями дидактического характера, имеющимися между ними, рассматривал как одно цельное вступление, посвященное Меценату. На самом деле, этим разделением был подключен к вступлению довольно большой кусок теоретического материала, в результате чего получилось, что оно имеет как бы три аспекта: а) традиционное обращение к богам, б) теоретическое обоснование темы и в) дедикацию книги. Такое построение вступления в дидактическом произведении логически вполне понятно.

С 47 строки начинается изложение теории садоводства. Практически эта часть является развитием тех мыслей, которые коротко были уже изложены в теоретическом разделе вступления. Здесь он опять говорит о естественном пути выращивания деревьев¹⁴⁰ и о различных способах искусственного дереворазведения¹⁴¹. Заканчивается теоретическая часть знаменитой дигрессией *laudes Italiae*¹⁴².

После изложения теоретических основ садоводства идет практическая агрономия¹⁴³, во многом напоминающая агрономическую часть первой книги. Здесь говорится о различных свойствах почвы и ее пригодности к тем или иным сельскохозяйственным культурам¹⁴⁴, дается *развернутое описание способов опознавания этих свойств*¹⁴⁵. Дальше даются конкретные советы садоводу по обработке земли в саду¹⁴⁶, организации питомника¹⁴⁷, *образно* описывается порядок насаждения деревьев¹⁴⁸. Специально Вергилий останавливается еще на вопросах, где и как надо разбивать виноградник¹⁴⁹. Коснувшись времени посадки винограда, он находит возможность ввести широкую *дигрессию о весне*, очень близкую по своему характеру к вышеуказанной дигрессии о Италии¹⁵⁰. С этого места на первый план выдвигается уход за виноградом и охрана виноградника в целом¹⁵¹. В этой связи введено описание *культы Вакха*¹⁵². Наконец, дается общий перечень работ в винограднике¹⁵³. Трудоемкой культуре винограда, как было сказано выше, противопоставлено оливковое дерево, к которому переходит дальнейшее изложение книги¹⁵⁴. Сейчас поэт без большого затруднения переходит к свободно растущим культу-

¹⁴⁰ II, 47 сл.; ср. II, 11.

¹⁴¹ II, 61 сл.; ср. II, 23 сл.

¹⁴² II, 136—176.

¹⁴³ II, 177 сл.

¹⁴⁴ II, 179—225.

¹⁴⁵ II, 226—258.

¹⁴⁶ II, 259—264.

¹⁴⁷ II, 265—272.

¹⁴⁸ II, 273—297.

¹⁴⁹ II, 198—314.

¹⁵⁰ II, 323—345.

¹⁵¹ II, 346—379.

¹⁵² II, 380—396.

¹⁵³ II, 397—419.

¹⁵⁴ II, 420—425; ср. II, 454—457.

рам¹⁵⁵ и заканчивает книгу большим эпизодом о счастливой жизни земледельцев¹⁵⁶.

Таким образом, каждая дигрессия первой книги имеет свое композиционное соответствие во второй. Нет как будто бы ясного соответствия только для описания небесных зон. Но нам кажется, что и оно имеет соответствие, а именно в описании способов проверки свойств почвы, хотя оно дигрессией обычно не считается. Оба эти описания предназначены для возвышения излагаемого материала до научного уровня. Оба они вплетены в текст, но все-таки своим объемом и не значительной практической ролью в общем ходе работ на селе ясно выделяются. Особенно плохо вмонтированы небесные зоны в первую книгу. Стало быть, их можно считать параллельными.

Принимая это во внимание, мы имеем две симметрические параллели:

I книга		II книга
1— 42	Вступление	1— 46
121—159	Основная философская дигрессия	136—176
231—256	Дидактике подчиненная научная дигрессия	226—258
278—283	Более развернутые иллюстрации к тексту	291—297
291—296		303—311
311—334	Дигрессия о времени года	323—345
338—350	Описание культа	380—396
463—514	Заключительная дигрессия	458—542

Это сопоставление почти не оставляет никаких сомнений в том, что Вергилий писал первую и вторую книгу по совершенно одинаковому плану. Отсюда вытекает, что исследователи, которые в одной из них находят одну композиционную структуру, а в другой — другую, не разобрались в существе вопроса. Это касается прежде всего Э. Бурка и М. Шмидт. Очевидная симметричность расположения дигрессий в обоих книгах, наоборот, даже может прояснить некоторые вопросы текста одной и другой книги. Напр., вступление ко второй книге становится яснее, когда мы учитываем вступление к первой. Плохо обоснованное в тексте первой книги описание небесных зон получает свое оправдание, когда знаем, что оно симметрически соответствует научному отступлению во второй книге. То же самое можно сказать и о культе Цереры, описание которого в первой книге логически мало оправдано, ибо Церера в античной мифологии не имела никакого отношения к погоде и бурям. Это описание видимо появилось после того, как по ходу изложения Вергилий ввел во вторую книгу рационалистическое объяснение некоторых обрядов культа Вакха.

¹⁵⁵ II, 426—453.

¹⁵⁶ II, 458—540(542).

С другой стороны, расположение дигрессий не дает оснований для деления этих книг на части. Правда, объект дидактики постепенно меняется от начала до конца каждой книги, но это изменение происходит не путем разделения их на определенные части, а через последовательные логические переходы. И в первой, и во второй книге изложение начинается от той сельскохозяйственной культуры, которая определяет содержание книги. В первой трети книги излагается **суть проблемы**. Дальше мысль последовательно переходит к более общим вопросам трудовой деятельности крестьянина, затем — к природе и, наконец, к условиям жизни человека вообще. Логическую связь этих переходов обеспечивает постоянный контакт автора с читателем, достигаемый средствами стиля, через различные повелительные формулы, которые, как уже говорилось выше, характеризуют стиль первой половины поэмы. Из этого хочется сделать вывод, что Вергилий рассматривал первую и вторую книги, как цельные единицы, симметричные между собой и не устанавливал никаких подразделов. Поэтому разделение этих книг и не дает ничего больше кроме более или менее убедительных формалистических опытов.

В этой связи необходимо обратить внимание еще на одну, на наш взгляд, немаловажную деталь. Вступление в первую книгу заканчивается, как уже указывалось выше, обращением к Августу¹⁵⁷, которого поэт просит оказать помощь в его смелых начинаниях по поучению несведущих крестьян (*ignaros... miseratus agrestis*). В начале заключительной дигрессии второй книги он опять высказывает эту мысль:

O fortunatos nimium, sua si bona norint,
agricolas!

(II, 458—9)

Эта дидактическая поза автора не случайна. Она, нам кажется, показывает, что в этих двух книгах поэт ставил перед собой цель учить крестьян тому, чего они не знают. Такая цель вполне согласуется с общим характером этих книг, о чем уже говорилось. В свою очередь мы должны опять подчеркнуть, что ничего подобного мы не имеем в остальных двух книгах, где Вергилий ищет новых сюжетов, которые могли бы привлечь внимание читателей¹⁵⁸, поразить их своей необычностью¹⁵⁹. Это тоже соответствует общему характеру III и IV книги. Можно думать, что в этих словах Вергилия выражена дидактическая суть первых двух книг. Если же она высказывается в подчеркнутом виде в начале и в конце первой половины поэмы, то в этом подчеркивании приходится видеть композиционную цель. Она как бы обрамляет обе первые книги, делает из них одно целое, состоящее из двух симметрических частей¹⁶⁰.

¹⁵⁷ I, 40—42, особенно 41.

¹⁵⁸ III, 3; 41; 291 сл.

¹⁵⁹ IV, 3 сл.

¹⁶⁰ Необходимо иметь в виду, что первая и вторая книга заканчивается таким же сравнением (ср. I, 512—514 и II, 541—42). При этом сравнение в конце второй книги как бы завершает незаконченную мысль первого сравнения.

На этом основании мы склонны утверждать, что идейно-тематическое содержание в этих книгах едино. Определить его можно было бы словами самого Вергилия, который, начиная поучения, в первой книге говорил:

Vere novo, gelidus canis cum montibus umor
liquitur, et Zephyro putris se glaeba resolvit,
depresso incipiat iam tum mihi taurus aratro
ingemere, et sulco adtritrus splendescere vomer...
At prius ignotum ferro quam scindimus aequor
ventos et varium caeli praediscere morem
cura sit, ac patrios cultus habitusque locorum
et quid quaeque ferat regio, et quid quaeque recusat.

(I, 43—53)

Иначе говоря, главное, по Вергилию, для крестьянства — много и упорно трудиться, но прежде всего нужно знать, что, где и как надо делать.

Если мы посмотрим на первые две книги как на одно целое, то увидим, что в начале и в конце первой половины говорится о необходимости неустанно работать, а в середине (в конце первой книги и в начале второй) даются нужные теоретические знания. Следовательно, мысль о труде тоже можно считать идейным обрамлением первой половины поэмы.

Выводы

1. В поэме имеется продуманная стройность, которая достигается не только общим разделением всего произведения на отдельные книги, охватывающие определенную область сельской трудовой жизни, но и тем, что каждая книга в отдельности имеет свою структуру. В этом отношении не правы такие авторы, как Прескотт¹⁶¹, которые утверждают, что материал хорошо и ясно расположен в поэме в целом, но не в отдельных книгах, где якобы изложение не имеет определенной системы. Неправы также Чех с Кролем, которые отрицают формальную стройность поэмы.

2. Стройность каждой книги в отдельности достигается прежде всего продуманным, как правило, симметрическим расположением дигрессий и дидактического материала. Надо сказать, что до Вергилия никто из дидактических авторов не пользовался дигрессиями в целях композиции произведения. Можно полагать, что и Вергилий пришел к этому только в процессе создания первых двух книг, ибо там некоторые дигрессии изо введены в текст, видимо потому, что они вводились не столько из соображений общей логической последовательности данной книги, сколько для симметрии с другой книгой. Третья книга имеет уже заранее продуманный план, очень напоминающий план первой поло-

¹⁶¹ A. W. Prescott. The development of Virgil's art, Chicago, 1927, p. 123.

вины поэмы в целом. Немного отдельно стоит четвертая книга, где дидактическому материалу противопоставлена одна цельная дигрессия, но стремление к симметрии замечается и здесь. Надо сказать и то, что Вергилий нигде не показал такого точного подсчета строчек, какой ему приписывают К. Витте и М. Шмидт. Добиваясь симметрии в расположении дигрессий, он ничуть не сковывал текст «цифровой эстетикой», а, наоборот, проявил в этом вопросе довольно большую свободу.

3. Внутреннее идейное единство отдельных книг более ярко выразилось во второй половине поэмы, где чувствуется стремление автора к философским обобщениям. В качестве философской идеи он использовал противопоставление жизни и смерти, идущие от Лукреция, не только в смысле материала двух больших дигрессий, посвященных этим проблемам, но, видимо, и в смысле философском. В первой половине мы находим чистую дидактику. Что касается философских обобщений, то они здесь выступают лишь спорадически и довольно неопределенно. В то же самое время довольно ясно видно, что вторая книга в этом отношении более глубокая, чем первая. Это также говорит о том, что к такому идейному построению Вергилий пришел видимо не сразу, а постепенно.

4. В композиционном построении поэмы вообще очень заметна разница между первой ее половиной и второй. Эта разница, видимо, является результатом творческой эволюции поэта, происходившей во время его работы над «Георгиками». От чисто александрийских литературных принципов, о которых, нам кажется, не плохо говорит Чех в своей диссертации¹⁶², он шел постепенно к эпической поэзии. Большую роль в этом переходе, видимо, сыграло влияние Лукреция, которое наиболее благотворно проявилось в третьей книге «Георгик». Поэтому, хотя общие принципы композиции едины для всей поэмы, каждая книга в отдельности имеет свою собственную структуру, свои особенности.

С другой стороны, поскольку эти особенности меняются не постепенно, а в виде резкого скачка, это дает возможность предполагать, что поэма писалась с какими-то перерывами, как полагает Саббадини.

VERGILIJAUS „GEORGIKŲ“ KOMPOZICIJOS KLAUSIMU

H. ZABULIS

Reziumė

Vergilijaus „Georgikų“ kompozicija buvo ypač susidomėta XX a. Pasutiniaisiais dešimtmečiais šiuo klausimu buvo paskelbta nemaža straipsnių ir išleista knygų. Dauguma autorių (K. Vitė, E. Burkas, M. Smit ir kt.) įrodinėja, kad Vergilijus, rašydamas poemą apie žemės darbą, laikėsi griežtai logiško kompozicinio plano, kuris iš anksto buvo gerai apgalvotas. Ta-

¹⁶² G. Czech. Op. cit., S. 12—13.

čiau dalis autorių (V. Krolis, G. Čechas) galvoja kitaip ir loginį nuoseklumą poemoje neigia.

Paanalizavus kiekvieną „Georgikų“ knygą, matyti, kad poemoje kompozicija yra apgalvota. Tai rodo ne tik veikalo suskirstymas į knygas, nagrinėjančias atskiras žemės darbo sritis, bet ir kiekvienos knygos medžiagos išdėstymas. To pasiekama, simetriškai išdėstant digresijas. Antroje poemos pusėje (III ir IV kn.) išryškėja poeto polinkis filosofiškai apibendrinti mintis, o tai taip pat vienija atskiras knygas.

Kompoziciniu atžvilgiu visa poema pasidalija į dvi puses, iš kurių pirmoji yra daugiau didaktinė, o antroji aprašomoji. Tai rodo, kad poetas, kurdamas poemą, smarkiai išaugo. Jo kūrybinę evoliuciją didele dalimi nulėmė Lukrecijaus poemos „Apie daiktų prigimtį“ įtaka. Kadangi pirmoji (I ir II kn.) ir antroji poemos pusė (III ir IV kn.) savo kokybe gana griežtai skiriasi, galima manyti, jog poema buvo rašoma su pertraukomis.
